
«БЕЛЫЙ ТЕРРОР» ИЖЕВСКИХ ПОВСТАНЦЕВ: МИФЫ И РЕАЛИИ

Е.Г. Ренев

Кафедра социологии, психологии и культурологии
Ижевский государственный технический университет
ул. Студенческая, 7, Ижевск, Россия, 426069

В статье исследуется один из ключевых мифов Ижевского антибольшевистского восстания (8 августа – 8 ноября 1918 г.) о так называемом «белом терроре». Автор рассматривает основные моменты, изначально составившие этот миф, анализирует цифры арестованных и расстрелянных и разбирает главный эпизод, которым уже многие десятки лет доказывается террористический характер восстания (связанный с судьбой крестьян Банниковых из деревни Болгуры). Исследование спорных моментов автор осуществляет, опираясь на солидную источниковую основу, состоящую из материалов центрального и местного архивов. Автор доказывает, что одна часть из устоявшихся в отечественной историографии утверждений является сильным преувеличением или искажением фактов, а другая часть специально создавалась советской историографией (это касается как масштабов явления, так и его основных эпизодов). Подобные мифы продолжают и сегодня существовать в современной историографии.

Ключевые слова: Гражданская война, Ижевское антибольшевистское восстание, советская историография, «белый террор».

Введение

Обоснование темы. На страницах «Вестника Российского университета дружбы народов» нам уже не раз доводилось разбираться с мифами (1), которые плотно окружают историю Ижевско-Воткинского восстания, самого мощного антибольшевистского выступления в 1918 г. (2). Одним из ключевых среди них остается представление восстания как безбрежного кровавого террора со стороны повстанцев по отношению к своим противникам. С основными эпизодами, на которые опирались советские историки, создавая это представление, мы и будем разбираться в настоящей статье. Большинство из них не только плотно составили ткань самых первых сочинений, но и вошли в последующие работы и продолжают повторяться и сегодня.

Обзор литературы. В советской историографии Ижевско-Воткинского восстания почти сразу же сложилось утверждение о тысячах арестованных и сотнях казненных сторонников советской власти. В классическом виде оно звучит на сегодня так: «Сразу же после переворота в городах и селах Уд-

муртии начался кровавый террор. В Ижевске уже в первые дни белоучредивского владычества было арестовано 3000 человек» (3). «Уже в первые часы были убиты и замучены десятки передовых рабочих и коммунистов. Не щадили даже раненых и больных... 18 августа многие рабочие Ижевска отказались вступать в белоэсеровские отряды. Стремясь сломить их сопротивление, учредилорцы объявили, что уклоняющиеся от мобилизации “понесут ответственность” и расстреляли на главной улице города 40 рабочих, отказавшихся пойти на фронт» (4). «Массовые расправы вообще были частым явлением в период право-социалистической власти в Ижевске. Как показывают новейшие исследования, в одну из подобных расправ за несколько часов ижевской контрразведкой и ее сподручными было уничтожено более 100 человек. Наглядным образчиком творимых в городе бесчинств является судьба 22 Банниковых из расположенной неподалеку от города деревни Болгуры (см. ниже. – Е.Р.)...» (5).

Цель и задачи. Главная задача статьи заключается в том, чтобы объективно раскрыть главные эпизоды Ижевско-Воткинского восстания и определить масштабы так называемого «белого террора» со стороны его участников.

Исследование проблемы

Остановимся сначала на цифре арестованных «в первые дни белоучредивского владычества...», которая определяется в «3000 человек». Первые, как представляется, она была названа 7 ноября 1918 г. вятским чекистом в губернской газете «Вятская правда», за день до падения Ижевска и за два дня до появления армейской ЧК (которая Губчека никак не подчинялась) в побежденном городе (6). Спустя шесть лет эта цифра была повторена в центральном историческом журнале Истпарта РКП(б) (7). Но вот что интересно – в самом Ижевске ее долгие годы не озвучивали. Так, когда еще только формировалась советская мифология восстания, ее создатели здесь называли цифру, на порядок меньшую. В первой книге, посвященной восстанию и представлявшей из себя по сути сборник воспоминаний участников событий, опубликованных буквально по горячим следам, утверждалось: «К утру 9-го августа арестованных было 300 чел., впоследствии эта цифра увеличилась до 800 человек» (8). Автором этих расчетов был человек весьма осведомленный – член большевистского обкома Комлев. Через шесть лет, в 1927 г., главная местная партийная газета «Ижевская правда» на материалах Истпарта (но только местного) эти цифры повторила, хотя в центральных изданиях они уже давались в десять раз больше (см. выше): «...Ставши хозяевами города, фронтовики начали творить суд и расправу. Было арестовано более 300 человек. Многих из них отправили в Воткинск. По пути часть арестованных бежала, за что многие поплатились жизнью. При походе в Вот-

кинк, некоторых арестованных искололи штыками. Остальные были освобождены только после взятия Ижевска и Воткинска красными...» (9).

Интересно, что примерно о том же свидетельствовали документы восстания, оказавшиеся в руках ЧК после его поражения. Так, «Чрезвычайная следственная комиссия Совета Раб.[очих], Солд.[атских] и Кр. [естьянских] Депутатов и представителей от мастерских заводов» 21 августа 1918 г. сообщила:

«Начальнику Ижевской гражданской милиции.

На Ваше отношение от 17-го Августа 1918 года за № 3725. Ижевская следственная Комиссия препровождает список лиц находящихся под арестом с указанием их адресов...». Всего в нем числилось 134 человека (не 300, как утверждалось первоначально ижевскими историками, но и не 3 тыс., как было объявлено позднее и утверждается сегодня – *Авт.*). В основном это были местные сторонники советской власти, в их числе несколько милиционеров, один из руководителей 1-го Петроградского продовольственного отряда и некоторые его члены (10).

Менее чем через неделю число заключенных значительно выросло. Как следует из отчета коменданта Ижевска, «согласно предписанию от 27-го августа № 1549» во всех арестных помещениях у повстанцев находилось 767 мужчин и 8 женщин. В том числе в военном лазарете на лечении состояло 28 человек из них (11). Сравнивая эти данные, стоит заметить, что к двадцатым числам августа ижевцы успешно отбили целый ряд атак на город и взяли много пленных. К примеру, командир только одного из малоизвестных красноармейских отрядов признавался, что в эти дни попало в плен к ижевцам 212 его бойцов (12).

Теперь что касается казненных повстанцами сторонников советской власти. Всего, по утверждению советского историка и участника тех событий В. Сергеева (сделанному им в 1927 г.), черпавшего информацию, по его собственным утверждениям, в архивах ГПУ, за все время восстания в Ижевске «замученных белогвардейцами было более 100 товарищей» (13), что существенно расходится, в частности, с заявлением, сделанным победителями в газете «Борьба» спустя две недели после поражения восстания: «Вчера хоронили 13 товарищей, лучших ижевских работников... В разных ямах еще находятся сотни тел замученных» (14). Последнее заявление озвучил главный комиссар 2-й армии, он же председатель ижевского Ревкома Д. Зорин, который 27 ноября 1918 г., в частности, сообщал: «От 27/IX 1918 г. (опечатка, скорее всего 27 ноября, то есть после падения Ижевска (8 ноября) не прошло и трех недель. – *Е.Р.*) Вятские Поляны Политотдел II армии... Чрезвычайка работает разстреляны до 300 (выделено мной. – *Е.Р.*)...» (15).

Помимо того, утверждение о сотнях казненных ижевскими повстанцами по меньшей мере ставится под сомнение документом, составленным после поражения восстания при участии чекистов и известным как «Список лиц, на-

ходящихся в мастерских заводов, кои находились под арестом во время белогвардейского управления». Согласно этому документу с момента начала восстания по 10 ноября 1918 г. (красные проверяли заключенных несколько дней после того, как Ижевск был ими взят) всего их насчитывалось 286 человек. Их них числятся как «убит» по одному варианту этого документа 16 человек (16), по двум другим соответственно 7 (17) и 5 (18) (расхождения собственно в количестве заключенных между ними нет). При этом среди оставшихся в живых были и такие личности, как известные в городе своей жестокостью эсеры-максималисты, бывшие красногвардейцы и чекисты.

Далее попробуем разобраться с главным эпизодом, которым уже многие десятки лет доказывается террористическая сущность восстания. Он связан с судьбой упомянутых выше крестьян Банниковых из деревни Болгуры. Вот как их история описывается в одной из первых советских работ в разделе «Зверства белых палачей»:

«Страшную, почти невероятную картину беснования озверелых белогвардейцев рисует нам Семен Ларинцев. 23 октября были арестованы белогвардейцами 22 человека крестьян Банниковых из дер. Болгур Июльской волости... Чем провинились эти Банниковы перед белыми палачами – неизвестно, но только их выстроили на глазах у всех арестованных в один ряд, продели сквозь связанные руки веревку, чтобы они не падали, и начали сечь кнутами, сплетенными из 8 ремней, на концах которых была вплетена картечь.

...Семь человек пали к их ногам мертвыми. Их свезли и бросили неизвестно куда. Остальных, без живого места на их теле с окровавленными неузнаваемыми от истязания лицами, увели в темные камеры и там продолжали свое отвратительное дело...» (19).

Разберемся с этой информацией. Для начала – среди списков лиц, находившихся в заключении у ижевских повстанцев, как и в воспоминаниях самих арестованных, никакого Семена Ларинцева не встречается (нет и его воспоминаний среди десятков папок, собранных за советский период). А ведь именно со ссылкой на него этот рассказ был помещен в местной советской газете «Ижевская правда» 25 декабря 1918 г. автором под псевдонимом «Ш–в.» (20). Интересно, что об этой истории, правда, без кровавых подробностей, писало за три недели до этого другое издание – предшественница «Ижевской правды» армейская газета «Борьба», где так же автор почему-то спрятался за псевдонимом «Дядя Ваня». Вот что, в частности, поведала:

«Кошмарная ночь в военном отделе»

Ночь темная, зловещая; приближались часы к проверке... Вбегают белогвардейские палачи... Он начал выкликать всех сидевших Болгуриных крестьян. Их было 26 человек. Все были выстроены в пять рядов и первыми взяли двух матросов. Один из них был местный житель левый эс–эр Максью-

тин. Болгуриинские крестьяне были почти всей одной фамилии Банниковы, работавшие в дер. Совете крестьянской бедноты, где много положили трудов в борьбе с деревенскими кулаками. Увели человек 20 неизвестно куда. Спустя три дня было опубликовано в белогвардейской газете следующее: “благодарность караульному начальнику Военного Отдела №№ за то что усмирил бунт, благодаря чему были заколоты штыками 19 человек”...

Дядя Ваня» (21).

Как видим, в этом тексте рассказывается не о неизвестных Банниковых, арестованных непонятно за что. Они представлены как «работавшие в дер. Совете крестьянской бедноты, где много положили трудов в борьбе с деревенскими кулаками». Помимо того, документы позволяют установить реального «дядю Ваню» или того, кто стоял за скромным псевдонимом «Ш-в». Так, «Фронтонная Чрезвычайная комиссия по борьбе контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. Ижевское отделение Отдел следственный отдел» 2-й армии 23 декабря 1918 г. в обращении за № 20 предложила следующее:

«Председателю Гражданского Революционного Совета тов. Шапошникову
Препровождая при сем материал для помещения статьи в газету «ПРАВДА»
ПРИЛОЖЕНИЕ: Материал «белогвардейские палачи».
Заведывающий Следственным Отделом *Матков*
Делопроизводитель *К. Храмов»* (22).

Опубликован этот материал был в указанном выше издании «Ижевская правда» 25 декабря. Далее, по данным всех метрических книг записи о Банниковых есть только в книге кладбищенской Троицкой церкви г. Ижевска. Но в ней они записаны как «убитые в военном отделе» по разным датам вместе с другими крестьянами «Июльской волости, деревни Болгур». Так, 12 октября (все даты – по старому стилю) были убиты и 20 ноября похоронены **три человека** (здесь и далее выделено мною. – *Е.Р.*): Николай Ефимов Банников (38 лет), Дмитрий Адрианов Банников (21 год), Илия Николаев Банников (26 лет); 18 октября убиты и 20 ноября похоронены **четыре** человека из той же деревни: Адриан Константинов Банников (50 лет), Петр Захаров Банников (43 года), Стефан Захаров Банников (30 лет), Прокопий Георгиев Банников (40 лет). Еще **один** из Банниковых Даниил Феодоров (20 лет) был «убит в военном отделе» тогда же 18 октября, но похоронен 27 ноября. В день последних боев за Ижевск 25 октября (7 ноября по новому стилю – по официальной версии в день падения Ижевска) «убиты в военном отделе» были: «крестьянин Алексей Егоров Банников, 33 года; ...Василий Филиппов Банников, 35 лет; ...Матвей Дмитриев Банников, 45 лет», т.е. всего **три** человека (похоронены 4 ноября). Вместе с ними в этот же день были казнены и также 4 ноября отпеты и похоронены на приходском кладбище Ижевска жители той же деревни «Николай Киприанов Богатырев, 43 года; ...Петр Ва-

сильев Бобылев, 28 лет; Никифор Назаров Михалев, 22 года; Василий Кирьянов Михалев, 29 лет». Записан вслед за ними после расстрелянных 25 октября «города Нолинска мещанина» и 26 октября двух ижевцев еще один «Июльской волости, деревни Болгур крестьянин Владимир Петров Варламов, 18 лет», рядом с фамилией которого стоит пометка «убит» (без указания в «военном отделе») 25 октября, похоронен 7 ноября (23).

Таким образом, за две недели были казнены или убиты всего 16 человек из указанной деревни, из которых 11 были Банниковыми. Причем казни проводились три раза – 12, 18 и 25 октября, т.е., очевидно, если Банниковы были арестованы разом, казнили их по мере проведения следствия.

Более того, по другим документам находившиеся у повстанцев в заключении сторонники советской власти утверждали, что упомянутые Банниковы были арестованы ижевцами по решению схода своего села и расстреляны «по приговору общества» (хотя Болгуры гораздо ближе к другому центру восстания – Воткинску, чем к Ижевску). Так, в 1923 г. один из очевидцев вспоминал:

«...В сентябре камеры не запирались, а в последних числах Октября стали запирасть.

...А в другой камере было 60-ть человек китайцев. Николая Засова перевели из Военного отдела, который нам рассказал, как в военном отделе справляется с арестованными Сорочинский, как у него на глазах расстреляли 20 человек крестьян Баннова по приговору общества» (24).

Другой бывший сиделец четырьмя годами позже рассказывал:

«...Вот перебиты крестьяне 7–8 человек села Болгур все одной фамилии Бабушкины» (25).

Показательным, как представляется, является еще и то, что этих Банниковых не очень спешили и хоронить. Значительную часть из них похоронили только 3 и 10 декабря (по новому стилю) 1918 г., только после настоятельных требований военно-политического руководства города. Последнее в лице Председателя Революционного Военного совета Ижевска еще 15 ноября обратилось к коменданту города со следующим требованием: «До сведения Революционного совета дошло, что за Арсеналом в яме лежат около 25 трупов наших товарищей, расстрелянных белогвардейцами. Немедленно сделайте распоряжение об уборке и похоронах этих трупов» (26).

В 1925–1926 гг., видимо, встал вопрос о перезахоронении Банниковых вместе с другими павшими за советскую власть во время Ижевского восстания. По этому поводу на их родине в Болгурах к «16/1 – 26 г.» был составлен «Список павших борцов за Революцию гр-н с. Болгур Воткинского р-на расстрелянных бандами Колчака в г. Ижевске в 1918 г.», в котором расстрелянных Банниковых насчитывалось 13 человек, Бобылевых – 3, Михалевых – 3, Богатыревых – 1, Варламовых – 2 человека (23), т.е. всего 22 жителя Болгур, «расстрелянных бандами Колчака в г. Ижевске в 1918 г.».

Скорее всего, в то же время в партийных органах Ижевска был составлен «Список убитых белогвардейцами во время восстания фронтовиков в 1918 г. и похороненных на Братской могиле и список умерших и тоже похороненных тут же», в котором под № 20 записаны «Банниковы 19 человек Болгуринских крестьян, убитых во время восстания». В этом документе (он составлен в нескольких вариантах, все не датированы) числится и упомянутый в статье газеты «Борьба» «Максютин Даниил, моряк», но не как «левый эсер», а как «большевик» (в одном документе) или «коммунист» под именем Денис (в другом) (27). Тем не менее, ни один из Банниковых и казненных вместе с ними других болгурских крестьян (помимо Максютинина) среди красных героев похоронен не был.

Теперь об утверждении о том, что, «как показывают новейшие исследования, в одну из подобных расправ за несколько часов ижевской контрразведкой и ее сподручными было уничтожено более 100 человек». В новейшем исследовании (это работа П.Н. Дмитриева и К.Н. Куликова «Мятеж в Ижевско-Воткинском районе» (1992 г.)) дается ссылка на воспоминания Сыпелева (29), как будто заключенного сарапульской баржи «смерти». Однако в них нет ни слова об Ижевске (30) и, самое важное, – в списках баржевиков такой фамилии тоже нет (31)!

И еще в связи с этим о расстрелянных «...18 августа около 40 человек, ...на главной улице города на глазах у других рабочих».

Последний «факт» взят из сочинения реального бывшего узника сарапульской «баржи смерти» П. Невлера «Люди в рогожах 1918 год. Рукопись баржевика» (32).

Это сообщение Невлера не подтверждается ни одним документом и ни одним свидетельством участников событий с обеих сторон. Так, к примеру, в метрических книгах ижевских церквей и в официальных книгах регистрации рождения и смерти нет ничего, что бы подтверждало это сообщение (а в них вписаны почти все большевики и сторонники советской власти) (33). Более того, существует и другой вариант этих воспоминаний, в которых нет ничего подобного, а само заключение в «барже смерти» автором представлено как некое приключение, пусть и опасное (34).

И, наверное, самое главное – существуют документы, в которых после поражения восстания ижевские сторонники советской власти подсчитывают число своих погибших от рук повстанцев товарищей – как тех, тела которых удалось найти и похоронить, так и тех, кого еще нужно найти. В главном из этих документов – «Списке погибших товарищей во время восстания в г. Ижевске 1918 г.», составленном в 1926–1927 г., всего числится 37 человек, один из которых вычеркнут (Паркачев, под № 37) (35). При этом в список включены по меньшей мере три человека, умерших своей смертью после поражения восстания (одна – застрелилась, двое умерли от болезни).

Выводы

Подведем итоги. С самого начала описания событий Ижевско-Воткинского восстания советские историки (за редким исключением) сознательно формировали жестокий, террористический образ его участников. Для этого реальные трагические события без объективного исследования их сути переписывались в угоду пропаганде, но не исторической истине. Поздняя советская историография на основе этого шла еще дальше, не пренебрегая при этом фальсификациями документов. К сожалению, сформированная в те годы картина основных событий Ижевско-Воткинского восстания 1918 г. продолжает господствовать и сегодня как на страницах печатных изданий, так и в Интернете.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Ренев Е.Г. Латышские стрелки и подавление Ижевского антибольшевистского восстания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2011. № 4. С. 40–48.
- (2) Ренев Е.Г. Безоружное вооруженное восстание: производство винтовок на Ижевских заводах во время антибольшевистского выступления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2013. № 1. С. 32–48.
- (3) Куликов К.И. В боях за Советскую Удмуртию. Ижевск: Удмуртия, 1982. С. 37, 38, 144, 145, 151 и др.
- (4) Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Мятеж в Ижевско–Воткинском районе. Ижевск: Удмуртия, 1992. С. 106, 152.
- (5) Чураков Д. Правые социалисты и белый террор: Ижевск, 1918 год // Альтернативы. Москва, 2004. № 2. URL: http://www.alternativy.ru/ru/alternativy/2004_02/pravye_socialisty_i_belyj_terror_izhevsk_1918_god.
- (6) Вятская правда. 1917. 7 ноября.
- (7) Сапожников Н. Ижевско–Воткинское восстание // Пролетарская революция. М., 1924. № 8–9. С. 34.
- (8) Из недавнего прошлого (к 4-й годовщине Октябрьской революции). Материалы из истории Ижевской организации РСДРП. Ижевск, 1921. Машинописный вариант // Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (далее – ЦДНИ УР). Ф. 352. Оп. 2. Д. 141. Л. 11 (С. 21).
- (9) Ижевская правда. 1927. 3 ноября. № 323. С. 2.
- (10) ЦДНИ УР. Ф. 369. Оп. 1. Д. 38. Л. 19–25 об.
- (11) Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 39562. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.
- (12) ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 1. Д. 21. Л. 27–27 об.
- (13) Сергеев В. Ижевские рабочие в борьбе за Советскую власть // Ижевск в огне гражданской войны 1917–1918 годы. Из истории революционного движения ижевских рабочих / Под ред. Чурсина. Издание областной комиссии по проведению десятой годовщины Октябрьской революции. Ижевск, 1927. С. 3–90.

- (14) Борьба. 1918. 21 ноября. № 42. С. 4.
- (15) Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф. 390–Р. Оп. 1. Д. 26. Л. 66.
- (16) ЦДНИ УР. Ф. 369. Оп. 1. Д. 38. Л. 74–88.
- (17) ЦДНИ УР. Ф. 350. Оп. 3. Д. 44. Л. 41–46.
- (18) ЦГА УР. Ф. 452. Оп. 1. Д. 1.
- (19) *Сергеев В.* Ижевские рабочие в борьбе за Советскую власть... С. 81–82.
- (20) Ижевская правда. 1918. 25 декабря. № 19. С. 4.
- (21) Борьба. 1918. 2 декабря. № 53. С. 3.
- (22) ЦГА УР. Ф. Р-390. Оп. 2. Д. 2. Л. 49.
- (23) ЦГА УР. Ф. 7. Оп. 1. Д. 6. Л. 212 об.–224, 230 об.–232, 262 об.–263.
- (24) ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 56. Л. 2 об–2.
- (25) ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 68. Л. 12.
- (26) ЦГА УР. Ф. Р–390. Оп. 1. Д. 36. Л. 49.
- (27) ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 114. Л. 8, 9, 74–75.
- (28) Книга памяти жертв политических репрессий. Ижевск: «Удмуртия», 2001. С. 23, 24.
- (29) *Дмитриев П.Н., Куликов К.И.* Мятеж в Ижевско–Воткинском районе... С. 112, 132.
- (30) ЦГА УР. Ф. 1061. Оп. 1. Д. 21. Л. 136–136 об.
- (31) ЦДНИ УР. Ф. 369. Оп. 1. Д. 48.
- (32) ЦГА УР. Р.–1061. Оп. 1. Д. 13. Л. 3.
- (33) *Ренев Е.Г.* Приходские книги ижевских церквей о последних днях Ижевского восстания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2 (8). Часть 3. С. 155–157.
- (34) *Невлер П.* Баржа серти. Воспоминание. № 29987 – Удмуртский республиканский музей (УРМ).
- (35) ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 1. Д. 114. Л. 73–75.

REFERENCES

- (1) *Renev E.G.* Latyshskie strelki i podavlenie Izhevskogo antibol'shevistskogo vosstaniya [The Latvian shooters and suppression of the Izhevsk anti-bolsheviks revolt]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Istoriya Rossii – Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series History of Russia*, 2011, no. 4, pp. 40–48.
- (2) *Renev E.G.* Bezoruzhnoe vooruzhennoe vosstanie: proizvodstvo vintovok na Izhevskikh zavodakh vo vremya antibol'shevistskogo vystupleniya. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Istoriya Rossii – Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series History of Russia*, 2013, no. 1, pp. 32–48.
- (3) *Kulikov K. I.* *V boyakh za Sovetskuyu Udmurtiyu* [In the battles for the Soviet Udmurtia]. Izhevsk: Udmurtiya, 1982, pp. 37, 38, 144, 145, 151.
- (4) *Dmitriev P.N., Kulikov K.I.* *Myatezh v Izhevsko-Votkinskom rayone* [The Mutiny in Izhevsk-Votkinsk area]. Izhevsk: Udmurtiya, 1992, pp. 106, 152.
- (5) *Churakov D.* Pravye sotsialisty i belyy terror: Izhevsk, 1918 god [The Right-wing socialists and white terror: Izhevsk, 1918]. *Al'ternativy – The Alternatives*. Moskva, 2004, № 2. Available at: <http://www.alternativy.ru>.

- (6) *Vyatskaya Pravda – Vyatka's truth*, 7 November, 1918.
- (7) Sapozhnikov N. Izhevsko-Votkinskoe vosstanie [The Izhevsk–Votkinsk uprising]. *Proletarskaya revolyutsiya – The Proletarian Revolution*, 1924, no. 8–9, p. 34.
- (8) Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Udmurtskoy Respubliki (TsDNI UR), f. 352, op. 2, d. 141, l. 11.
- (9) *Izhevskaya Pravda. – Izhevsk's truth*, 3 november, 1927, p. 2.
- (10) TsDNI UR, f. 369, op. 1, d. 38, ll. 19–25 ob.
- (11) Rossiyskiy gosudarstvennyy voennyi arkhiv (RGVA), f. 39562, op. 1, d. 7, l. 8.
- (12) TsDNI UR, f. 352, op. 1, d. 21, ll. 27–27 ob.
- (13) Sergeev V. Izhevskie rabochie v bor'be za Sovetskuyu vlast' [The Izhevsk workers in the struggle for Soviet power]. *Izhevsk v ogne grazhdanskoy voyny 1917–1918 gody* [Izhevsk in the fire of civil war 1917–1918 years]. Izhevsk, 1927, p. 80.
- (14) *Bor'ba – The Struggle*, 21 november, 1918, p. 4.
- (15) Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Udmurtskoy Respubliki (TsGA UR), f. 390-R, op. 1, d. 26, l. 66.
- (16) TsDNI UR, f. 369, op. 1, d. 38, ll. 74–88.
- (17) Ibid., f. 350, op. 3, d. 44, ll. 41–46.
- (18) Ibid., f. 452, op. 1, d. 1.
- (19) Sergeev V. Izhevskie rabochie v bor'be za Sovetskuyu vlast' [The Izhevsk workers in the struggle for Soviet power], pp. 81–82.
- (20) *Izhevskaya Pravda – Izhevsk's truth*, 25 december, 1918, p. 4.
- (21) *Bor'ba – The Struggle*, 2 december, 1918, p. 3.
- (22) TsGA UR, f. R-390, op. 2, d. 2, l. 49.
- (23) Ibid., f. 7, op. 1, d. 6, ll. 212–224, 230–232, 262–263.
- (24) Ibid., f. 352, op. 2, d. 56, ll. 2–2 ob.
- (25) Ibid., d. 68, l. 12.
- (26) Ibid., f. R-390, op. 1, d. 36, l. 49.
- (27) Ibid., f. 352, op. 2, d. 114, ll. 8, 9, 74–75.
- (28) *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy* [The Book of remembrance of the victims of political repression]. Izhevsk: Udmurtiya, 2001, pp. 23, 24.
- (29) Dmitriev P. N., Kulikov K. I. Myatezh v Izhevsko-Votkinskom rayone, pp. 112, 132.
- (30) TsGA UR, f. 1061, op. 1, d. 21, ll. 136–136 ob.
- (31) Ibid., f. 369, op. 1, d. 48.
- (32) Ibid., f. R-1061, op. 1, d. 13, l. 3.
- (33) Renev E.G. Prikhodskie knigi izhevskikh tserkvey o poslednikh dnyakh Izhevskogo vosstaniya [Izhevsk churches parish registers about Izhevsk revolt last days]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, philosophical and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice*, 2011, no. 2 (8), issue 3, pp. 155–157.
- (34) Nevler P. Barge of the death. Memory. Udmurt Republic Museum (URM), no. 29987.
- (35) TsDNI UR, f. 352, op. 1, d. 114, ll. 73–75.

“WHITE TERROR” OF IZHEVSK REBELS: MYTHS AND REALITIES

E.G. Renev

Department of Sociology, Psychology and Culture Studies
Izhevsk State Technical University
Studencheskaya Str., 7, Izhevsk, Russia, 426069

The article deals with the issue of the so-called “white” terror during the Izhevsk workers' revolt that was the most powerful rebellion against the Bolsheviks in 1918. The author examines the key points, which originally composed this myth, analyzing the number of the arrested and shot people and examining the main episode, which for many decades proved the terrorist nature of the uprising, and is connected with the fate of peasants Bannikovs from Bolgury village. The significance of the article is that conducting a historiographical analysis, the author bases the study of controversial issues on a solid source base, consisting of materials of central and local archives. The author comes to the conclusion that some of the well-established claims in the national historiography are exaggeration or distortion and others are pure fiction that was created by the Soviet historiography. And these exaggerations, distortions and fictions still exist in modern historiography. The article examines the problem of the origin of these statements and their validity.

Key words: Civil war, Izhevsk anti-Bolsheviks workers' revolt, Soviet historiography, “white” terror.